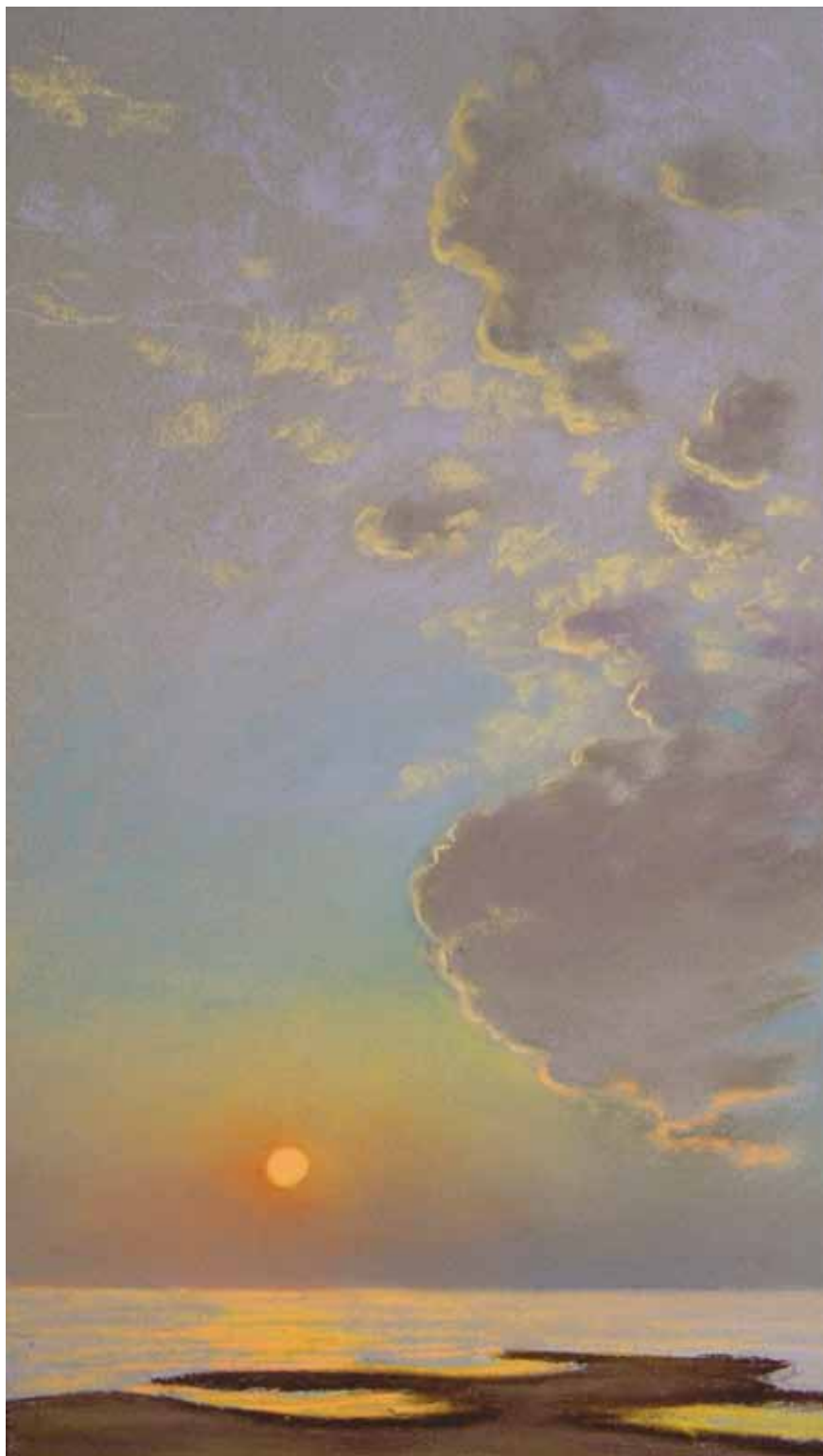

Точка зрения

Выставка художника Олега Ладика в Коломне

Подмосковная Коломна – истинная жемчужина в летописной истории Российской державы. Здесь, над Окой, на Девичьем Поле Сергей Радонежский благословлял воинов князя Дмитрия Донского перед Куликовской битвой, недалеко от этого места бьет открытый им святой источник, а на восточной окраине города действует основанный им монастырь. Среди уцелевших башен Коломенского кремля одна называется Маринкина башня, потому что в ней томилась в заточении жена Лжедмитрия Марина Мнишек. Неподалеку – выстроенный по приказу Ивана Грозного в честь взятия Казани Казанский собор, с которого началась история Брусенского монастыря. Отсюда родом Иван Лажечников, а на Посаде сохранился дом, где жил Борис Пильняк, с ним дружила Ахматова и приезжала в этот дом в 1936 году, когда Пильняка уже не стало. Недалеко от Коломны, в Черкизове – усадьба Шервинских, куда наезжали, кроме Анны Андреевны, Брюсов, Цветаева, Лозинский... Первое упоминание о Народном театре Коломны насчитывает уже более ста лет. Город и его окрестности – место пленэрного паломничества со всех концов России, здесь всегда много студентов художественных вузов, и бывает, что маститые художники с радостью привозят свои работы в здешние выставочные залы.

Это добрая примета, что первая персональная выставка сотрудника Международного Центра Рерихов художника Олега Ладика состоялась именно здесь, в овеянном памятью веков русском городе, в Культурном Центре «Лига», который известен и в Подмоскovie, и в Москве. Когда накануне вернисажа картины Олега были вывешены в зале, сотрудники «Лиги», конечно же, зашли полюбопытствовать – все-таки новое имя, творческий дебют. Из зала выходили довольные: «Такой удачной

Время покоя. 2006

выставки у нас давно не было». Да и в книге отзывов – сплошь восклицательные знаки, благодарные и сердечные записи:

«Олег! Спасибо за чудесные картины – живые и настоящие!»

«От всех картин веет тишиной, духовным покоем».

«Который раз убеждаюсь, что художник – это не профессия, а состояние души и стиль жизни, когда не писать невозможно... Спасибо за то, что радость, испытанную глубоко в себе художником, мы имеем возможность увидеть здесь, в Коломне».

«Свет и воздух! Картины напитаны воздухом. Рядом с ними очень хорошо дышится. Пейзажи узнаваемы – даже тех мест, где не была, но в них ощущение родного и близкого».

«Следуй за солнцем. Оно у тебя – живет».

Олег Ладик пишет пейзажи – работает в жанре, который насчитывает века и обладает таинственными качествами. Истинный пейзаж начинается тогда, когда в нем – запах моря или леса, дрожь горячего воздуха над пустыней, зябкость влажного холода в осеннем парке... Сиюминутность и вечность. Статика мига, выхваченного взглядом из динамики жизни. Художник сполна одарен та-

лантом вочеловечивания зримого – будь то сероватый, но странно-уютный, совершенно диккенсовский Лондон, веющее свежим ветром рижское взморье, латвийская дубрава или горячие камни древнеегипетского храма. У художника деревья, водная гладь, облака и солнце – лишь воплощенное обрамление несказуемого или, можно сказать, – нерисуемого, того, что заключено внутри нерукотворной и рукотворной декорации земного бытия. Композиционным узлом его работ становится не то, что материально, предметно, осязаемо, а Пространство, заключенное между небом и землей. Об этом говорили все, – и те, кто пришел на выставку в день ее открытия, и те, кто давно знаком с его работами.

Станиславский утверждал: «Талант движет человеком», – так оно и есть. Только траектория этого движения у каждого своя. Олег говорит, что в школьные годы он не выделялся среди сверстников какими-то особыми способностями, да и негде было выделяться – уроки рисования закончились в четвертом классе, началось черчение: параллели и перпендикуляры, круги и овалы... Однако, уже в зрелом возрасте всплыл в памяти любопытный эпизод. Третьеклассникам дали задание нарисовать что-то акварелью, не объяснив даже при-

Дивногорские дали. 2004

Последний луч. 2002 ▶

мерно, как пользоваться красками. Олег, тогда десятилетний мальчик, безошибочно нашел способ рисования акварелью, как будто кто-то все ему подробно, по пунктам подсказал...

В армии его способности пригодились в оформлении стенгазет, плакатов и прочей наглядной агитации. Потом был Железнодорожный техникум в Риге, а потом – Его Величество Случай! – Олег оказался на выставке латвийского художника Эдуарда Пустовойтова. Работы, которые он увидел, не просто поразили его, – они стали тем импульсом, который заставил молодого человека взяться за кисть. Отчасти это была юношеская амбиция: «И я тоже смогу!». Но внешние обстоятельства, возникающие вроде бы сами по себе, – лишь отражение внутреннего состояния, когда накопившаяся потребность творчества прорывается наружу и *все начинается*.

Дальше пошло само собой – Олег начал учиться в студии художника Василия Хватова. Это было содружество молодых способных людей, они учились у мастера и друг у друга, объединенные любовью к тому искусству, которое для себя избрали, или, может, которое избрало их. Но пришло время, и каждый уходил, чтобы дальше двигаться самому...

Несмотря на внимание к акварели и темпера, Олег Ладик в конце концов предпочел пастель, где тоже преуспел. Скажем сразу, что цвет для него – это философия, с помощью которой он постигает одухотворенную логику мира, но его изобразительная манера была бы совершенно иной, не будь он хорошим графиком. Достаточно взглянуть на его карандашные работы, чтобы оценить точность линий и меру их, необходимую для создания художественного образа. Помимо пастели,

которую можно считать живописью и графикой – искусством, единым в двух лицах, часть работ выполнена в темпера, но и там все время вспоминается Пастернак: «...Не знаю, решена ль загадка зги загробной, но жизнь, как тишина осенняя – подробно...».

Эта подробность жизни, ее дыхание заполняет работы Олега Ладика. У каждой из картин свое настроение и даже свой нрав. С одной из работ, представленных на выставке, приключился казус не казус, но нечто любопытное... Олег всегда придает большое значение оформлению – багет, рама, небезосновательно считая, что обрамление должно стать продолжением идеи, духа картины, если хотите – хранителем ее ауры. Картина «Красное море» из египетского цикла проявила необыкновенную самостоятельность законченного творения. Она отторгала все предлагаемые рамы и паспарту, отказывалась от всякого внешнего сопровождения, избрав одно – тонкую, слегка состаренную золотистую рамку, и тогда стал слышен крик морских птиц, носящихся над прибоем, удары его о камни, шелест и шорох ярко-бирюзовой, в белой пене, отступающей волны.

Зачастую пейзаж – самый красивый, трогательный, достоверный, вызывающий самые лучшие чувства и эмоции, все равно

Небо дня. Храм Рамзеса. 2009

Розовые дюны. 2008

сохраняет некоторую декоративность. Иногда он настоятельно требует человеческого присутствия – хотя бы минимальной по масштабу фигурки как залога его одушевления, одухотворения. Есть пейзажи, где присутствие человеческой души чувствуется априори, не требуя визуальных доказательств. Я стою рядом с художником бок о бок, плечо к плечу, и вижу то, что видит он, и чувствую все, что он чувствует – тепло и холод, слышу звенящий трепет листьев и посвистывание ветра в балтийских дюнах. Это – *точка зрения* в переносном и физическом, пространственном смысле, здесь кроется эффект со-причастности, едино-чувствия, – едва ли не самое дорогое, что есть в изобразительном искусстве и искусстве как таковом вообще...

Судьба Олега сложилась так, что он не получил академического художественного образования, но возможно – это единственно верный именно для него, его собственный оригинальный путь. Это не

в пику тем, кто заканчивал институты, училища, академии, просто «каждый выбирает по себе». Не все, кого называют поэтами, заканчивают Литинститут. Не все, кого называют музыкантами, имеют консерваторское образование. Есть вещи, которым научить нельзя, они познаются в тишине самопознания, там, где начинается творчество.

Для Олега Ладика первая персональная выставка не аванс, как часто бывает в таких случаях. Это достойная плата за терпение и труд – в большой степени вопреки обстоятельствам его судьбы. И подтверждение тому – наше чувство признательности за новую встречу с, казалось бы, знакомым миром, который художник открывает для нас со своей неповторимой точки зрения. Он пишет пейзажи, глядя на которые, понимаешь, что имел в виду поэт, когда сказал: чтобы увидеть истинную красоту мира, надо стереть случайные черты.

Елена Кузина